

АНЕКДОТ В СИСТЕМЕ ДИСКУРСНОЙ ФОРМАЦИИ

Слово «анекдот» – греческого происхождения и буквально означает «неопубликованное». В современной коммуникации (с середины XIX века) обычно встречаются два его толкования: 1) рассказ о забавном или поучительном случае из жизни исторического лица или фольклорного героя; 2) краткий устный шуточный рассказ с остроумной концовкой [9, с. 38].

И в том и в другом случае значимыми оказываются три *обязательных* параметра анекдота: 1) событийная композиция, 2) забавность vs остроумие, 3) устная форма, – и один *факультативный*: использование известного лица в качестве персонажа повествования.

Каждый из этих параметров, создавая внутреннюю систему анекдота, в свою очередь зависит от общей историко-культурной и актуально-временной ситуации возникновения и существования анекдота, – ситуации, которая получила название *дискурсной формации*.

Понятие дискурсной формации было введено Мишелем Фуко в его работе «Археология знания» и разработано Мишелем Пешё, который соотнес дискурсную формацию с понятиями «общественная формация», «идеологическая формация». По мнению Пешё, дискурсная формация – это то, «что может и должно быть сказано (в форме торжественной речи, проповеди, памфлета, программы и т.д.) в определенной идеологической формации» [8, с.265]. Это языковое существование, которое целиком определяется историческими условиями и коллективным бессознательным, создавая т.н. «эффект Мюнхгаузена» – псевдоочевидность значения дискурса, порождаемую псевдоочевидностью субъекта.

Говорящий субъект не является создателем смысла, это всего лишь продукт дискурсной формации. Именно дискурсная формация, включающая преконструкт – базу уже кем-то высказанных суждений, мнений, которые являются для субъекта очевидным, – задает извне матрицу смысла, диктует специфические ограничения, выбор доминанты, иерархию тем, а также создает самого субъекта, «призывая» его из ряда индивидов.

Находясь в пространстве дискурсной формации, индивид становится субъектом, переформулируя очевидные для него и для его собеседника истины. Иллюзия новизны создается на фоне коммуникативного «зеркала»: «каждый знает заранее то, что «другой» подумает и скажет... и не без основания, так как дискурс каждого воспроизводит дискурс другого» [8, с.276]. Субъективный сектор ограничивается здесь полем возможностей, целей, недомолвок, отказов и т.д., – тем, что «я мог бы сказать, но не решился», или тем, что «я решился рассказать / не рассказывать».

Структура анекдота, рассмотренная в координатах дискурсной формации, предстает перед нами как динамическое образование, само существование которого зависит от соотношения более очевидных и менее очевидных истин, всем известного и неожиданного в конкретных исторических и этнокультурных условиях рассказывания, от идеологической однотипности субъектов (рассказчика и слушателя), общности их преконструктов, от верно выбранной рассказчиком когнитивной тональности.

Смысл анекдота основывается на эффекте нарушения коммуникативных ожиданий слушателя: его идеологических и/или риторических стереотипов. Сбой в той или иной части дискурсной формации вызывает нарушение баланса между коммуникативными «зеркалами» и – как результат – изумление и/или смех.

Под идеологией в данном случае понимается «*все то, с чем так или иначе знаком адресат и та социальная группа, которой он принадлежит*», системы его психологических ожиданий, все его интеллектуальные навыки, жизненный опыт, нравственные принципы»

[10, с.108]. Это мир «знаемого», который через «привычку» и «обычай» указывает одновременно на *то, что есть*, и *то, что должно быть...*» [8, с.264-265].

В пространстве дискурсной формации анекдота «идеология» представлена стереотипами моделирования мира, свойственными цивилизации в целом, историческому периоду, конкретному этносу, социуму.

Мир риторики – это совокупность кодифицированных коммуникативных приемов, система семиотических кодов и лексикодов [10, с.108], т.е. система символов, прецедентных текстов, система языковых стереотипов, устоявшихся форм и способов сообщения, вербальных знаков, вступающих в сложные синтагматические и парадигматические отношения.

Безусловно, «идеологию» можно выявить только через «риторику», через привычные формы выражения. Но в некоторых случаях семиотическая система становится «прозрачной», не привлекая внимания слушателя, и эффект коммуникативного сбоя воспринимается как нарушение именно идеологических ожиданий: стереотипов логического мышления, стереотипов морали и эмоциональных переживаний, стереотипов оценки исторического периода, исторических персонажей, этнокультурных различительных признаков.

При этом в процессе анализа системной значимости каждого из составляющих компонентов идеологического преконала обнаруживается, что общие системы – логика, эмоции, мораль – в анекдотах представлены через призму систем более частных: этническая судьба, политический период, социально-кастовая принадлежность, культовые личности, популярные персонажи. Дискурсная формация предстает в виде «матрешки», где порядок следования оболочек определяется аксиосистемой мировосприятия коммуникантов.

Анекдоты, построенные, прежде всего, на нарушении логических стереотипов, характерны для еврейской и китайской традиций.

Еврейский анекдот, развившийся под влиянием спекулятивного мышления «Талмуда», имеет интровертный характер, часто окрашен самоиронией (что отмечал еще З.Фрейд), поражает глубиной анализа сознания субъекта:

«Мойша играл в кафе со знакомым в карты. Естественно, проиграл, вскочил разозленный и закричал:

- Почему, собственно, я играю с тобой в карты? Я сам не понимаю, как это мне не стыдно играть с тем, кому не стыдно играть с тем, кто садится играть с таким ничтожеством как ты!» [11, с. 123]²⁸.

Проведенный мною эксперимент по восприятию этого анекдота в студенческой аудитории показал, что сразу после рассказа почти никто не начинает смеяться. На лицах слушателей возникает напряжение: мысль стремится уловить смену референциального выбора повествования, смену содержания индексальных знаков - и Если человек в итоге схватывает нить рассуждения и готов продолжить ее, он начинает смеяться: смех действует отвлекающе и удерживает мысль от дальнейшего продвижения по запретному, ведущему к абсурду, пути [7, с. 298]. Если же сбой возникает до конца рассказа, слушатель демонстрирует недоумение, раздражение, расценивая услышанное как «идиотизм», т.е. относящееся к области «сумасшедшего», запрещенного для области нормального человека [5, с.41]. Двойственность реакции на анекдот – смех или изумленное неприятие - обусловлена двойственностью формы *непонимания*. Рефлексирующее непонимание ведет к смеху, агрессивное – к возмущению. Смех при этом способствует продвижению по линии понимания: обрывая рассуждение, смех помогает не только дистанцировать абсурд, но и вывести его в четкий фокус.

²⁸ Большинство рассматриваемых анекдотов взято из указанного сборника.

Предпосылкой смеха служит исходная общность или иллюзия общности идеологии и риторики рассказчика и слушателя. В упомянутом выше эксперименте я предложила имя *Мойша* заменить именем *Петя* и подумать, что изменилось. «Петя никогда так говорить не будет», «Петя на такое не способен» – самые первые ответы. Почему же? Еврейская ментальность, сформированная историей выживания, обострила чувство рефлексии, облегчила возможность посмотреть на любой факт действительности – в том числе и на самого себя – как извне, так и изнутри. Посмотреть на внешний факт изнутри легче, чем на самого себя извне. Именно здесь нас подстерегает эффект псевдоочевидности субъекта, эффект разведения субъекта и индивидуума.

Классический еврейский анекдот описывает случай, который якобы произошел с легендарной фигурой Галиции XVIII столетия Герцем Остропольским.

Как-то раз Остропольскому пришлось ночевать в гостинице в одной комнате с генералом. На следующий день ему было нужно рано уезжать, и он попросил слугу разбудить его. Утром еще было темно и Остропольский по ошибке надел на голову генеральский кивер. По дороге на станцию обнаружил это и закричал: «Боже мой, этот осел, разбудил вместо меня генерала».

Очевидность субъекта в обыденной коммуникации скрывает тот факт, что субъект всегда является «индивидом, которого окликают как субъекта» [8, с.262]. Расхождение находящегося ранее, в другом месте, с идентифицируемым субъектом, ответственным за свои поступки, возможно благодаря дискурсивному эффекту прекоплекта и «связывает испытанное противоречие (т.е. «глупость») с противоречием, схваченным и выставленным напоказ (т.е. иронией)» [8, с.263].

Логический абсурд лежит в основе и древних китайских анекдотов:

«Один китаец подал в суд на другого за то, что тот укусил его за нос. На суде подсудимый стал убеждать судью, что потерпевший сам себя укусил.

- Как же он смог это сделать? – удивился судья. – Ведь нос выше рта!

- Ну, так он встал на стол!»

Суть китайского анекдота в создании внесоциального фантастического альтернативного мира, абсурдность поведения в котором напоминает абсурдность снов или сказок. Не случайно известный собиратель анекдотов Ян Калина сравнивает логику китайских анекдотов с логикой дадаизма [11, с.118].

Европейский анекдот, как и европейская цивилизация, основана на античном видении мира, где значительно большую роль играют социально-исторические составляющие дискурсивной формации. Многие сюжеты, возникшие в Древней Греции, относятся к «вечным»: в них обычно меняются только действующие лица – исторические персонажи.

«Афинский военачальник Ификрат был сыном сапожника. Молодой аристократ стал насмехаться, что у Ификрата нет родословной. «Действительно, – согласился Ификрат, – я первый у себя в роду, а ты – последний в своем».

Через две тысячи лет эта история возникла с некоторыми изменениями, связанными с развитием цивилизации:

«Дюма-отец был, как известно, мулатом. Однажды на светском приеме к нему подошел молодой хлыщ и презрительно сказал: «Мсье, я слышал, что вы наполовину негр. Следовательно, ваш род берет начало от обезьян?»

Дюма громко рассмеялся: «А ваш там заканчивается».

И в первом, и во втором случае эффект неожиданности достигается путем логического оборачивания ситуации: «первый (начинать) – последний (заканчивать)», но сама ситуация имеет различную ориентацию: в античном анекдоте – на социальный престиж, во французском – на расовый.

Большинство европейских анекдотов имеет четкие исторические, этнические и социальные координаты. При этом на первый план обычно выступают то одни, то другие идеологические ожидания.

«Во время второй мировой войны итальянский офицер пытается поднять солдат в атаку: «Ragazzi! Avanti!»

Никто не реагирует. Офицер кричит все громче. Один из солдат с почтением замечает: «А у него красивый голос!»».

Противоречие между национально-социальными аксиосистемами и не зависимой от сознания реальностью - исходный пункт многих анекдотов.

В конце тридцатых годов какой-то журнал решил посвятить один номер слонам. Представители разных стран написали статьи:

Француз - «Сексуальная жизнь слона». Англичанин - «Как я застрелил своего первого слона». Немец - «Слон с точки зрения чистоты расы». Австриец - «Воспоминания слона о старом городском театре».

В пятидесятые годы были написаны еще две статьи: советским автором - «Взгляды Сталина на слона», чехословацким - «Советский слон - наш образец!»

Эффект абсурда создается здесь включением внесоциальной, вненациональной и внеисторической реалии «слон» в этнокультурные и историко-политические аксиосистемы, выявляемые через риторические стереотипы [см.: 1].

Нередко сам риторический код служит основой анекдота. Еще в античности использовался прием обыгрывания многозначности слов:

«Известная гетера Лаис какое-то время была любовницей софиста Аристиппа. Однажды приятель ему сказал: «Ведь она тебя совсем не любит».

Философ в ответ рассмеялся: «Вино и рыба меня тоже не любят, а все-таки я получаю от них наслаждение». Ср. современное: «Нанимая служанку на работу, хозяйка спрашивает: «Вы любите попугаев?». И слышит в ответ: «Не беспокойтесь, мадам, я ем все».

Неожиданное использование прецедентных текстов, омонимических форм - семиотическая игра, которая требует отдельного рассмотрения.

В т.н. «лингвистических анекдотах» идеологическая составляющая не акцентируется и часто вообще не вербализуется, как например, в сверхкоротком анекдоте: «Рас - путин. Два - Путин». Однако для адекватного дискурсивного функционирования слушатель должен обладать необходимым историческим прекоконструктом.

Исторические координаты возникновения анекдота очень часто определяют его суть, очерчивают возможности субъективного фактора: над чем можно смеяться, а над чем - нет. И дело заключается не только в возможности использования исторических личностей в качестве персонажей анекдота (вспомним, например, лавину анекдотов про Ленина, возникших после 1985 года), а в расширении когнитивной зоны смеха, распространение абсурдистских моделей на те культурные области существования человека, которые раньше этого не допускали.

После работ Леви-Стросса культура стала пониматься как система дополнительных ограничений, накладываемых на естественное поведение человека. По мнению Юрия Лотмана, с психологической точки зрения, эта сфера ограничений может быть разделена на две области: регулируемую *стыдом* и регулируемую *страхом* [6, с. 664]. Эти две области находятся в отношении дополнительности: тот, кто подвержен стыду, не подвержен страху, и наоборот. Анекдот в этом случае, как регулируемый ограничениями в области логического мышления, можно представить в виде третьей дополнительной области - смеха. Если человеку смешно, то ему и не страшно, и не стыдно. И страх, и стыд - это состояние когнитивного и психологического оцепенения, а смех - попытка активно дистанцироваться от ситуаций, вызывающих стыд и страх [см.: 2 - 4].

За последние сто лет область смеха неуклонно расширяется, захватывая то, что раньше не могло быть предметом интеллектуальной игры. Именно этим объясняется распространение анекдотов политических, «неприличных» и «черного юмора». Свободнее стали вовлекаться в риторическую систему анекдота сниженные и даже нецензурные выражения, становясь нередко отправной точкой абсурда.

Области стыда и страха служат противопоставлением «мы» и «они». Смех в дискурсивном пространстве анекдота можно, таким образом, определить как «разведку боем», попытку определить, к какому лагерю относится слушатель. То, над чем мы смеемся, нашу суть, наше место в дискурсивной формации. Вспомним, как главный герой романа Дж. Пристли – военный разведчик – определил, что особа, выдающая себя за вдову офицера, принадлежит на самом деле к более низкому социальному слою: сидя в партере, она смеялась над шутками, которые вызывали смех только на галерке.

У североамериканских индейцев есть характерный анекдот-притча:

«Волки позвали оленей на праздник, посадили их напротив себя и предложили: «Смейтесь!»»

- Сначала вы! – ответили олени.
- Ха-ха-ха! – засмеялись волки, скаля зубы. – А теперь вы!
- М-м-м-м! – засмеялись олени.
- Нет! – возразили волки. – Никто не смеется с закрытым ртом. Это не настоящий смех.
- Ха-ха-ха! – открыли рот олени. И волки увидели, как мало у них зубов, и набросились на них и почти всех сожрали.

Теперь вы знаете, почему олени боятся волков».

Ситуация рассказывания анекдота – это не забава, это тест на «принадлежность к одной стае». Именно в таком качестве мы и должны стараться его использовать.

1. Бардина Н.В. Этнокультурные стереотипы как средство моделирования вторичной реальности (интерпретация одного стихотворения)// Мова. – 1999. - № 3-4. - С.144-150.
2. Бардина Н.В. Смех и слезы недопонимания // О природе смеха: Материалы круглого стола. – Одесса, 2000.
3. Бардина Н.В. Концепт *trápnu* в системе словацкой лингвоментальности // Слов'янський збірник. – Одеса: Астропринт, 2000. – Вип. VII.
4. Бардина Н.В. Смех как элемент дискурса // О природе смеха: Материалы международной конференции. – Одесса, 2001.
5. Лотман Ю.М. Дурак и сумасшедший // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. - С.41-62.
6. Лотман Ю.М. О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. - С.664-666.
7. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988. - С.281-309.
8. Пешё М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999. - С.225-290.
9. Словарь иностранных слов. М., 1985.
10. Эко Умберто. Отсутствующая структура. СПб., 1998.
11. Kalina Ján. Tisíc a jeden vtip. Martin, 1991.